

УДК 159.9
ББК 28.0
Д 50

Д 50 Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2 / Сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. — 720 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0733-2

А. Д. Кошелев

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В СВЕТЕ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ / EVOLUTION OF LINGUISTIC
PARADIGMS IN THE LIGHT OF THE GENERAL THEORY OF
DEVELOPMENT

Ключевые слова: кризис теоретической лингвистики, лингвистическая парадигма, ортогенетический принцип развития, элементарный цикл развития, лингвистическая парадигма XXI в.

В статье рассмотрена цепочка основных теорий (парадигм) языка, начиная с теории Аристотеля и заканчивая обобщенной парадигмой XX в. Показано, что эта цепочка представляет собой два элементарных цикла общей теории развития. Выявленная закономерность позволяет предсказать характерные черты парадигмы XXI в., которая придет на смену парадигме XX в.

Keywords: crisis of theoretical linguistics, linguistic paradigm, ortho-genetic principle of development, elementary development cycle, linguistic paradigm of the XXIth century.

The article examines a sequence of fundamental theories (paradigms) beginning with the Aristotel's theory and concluding with the generalized paradigm of the XXth century. The article proves that this sequence of paradigms represent two elementary cycles of the general development theory. The elicited regularity permits to forecast the main characteristics of the XXIth century paradigm which will substitute the XXth century paradigm.

А. Д. Кошелев

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

1. КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Характерной чертой современной теоретической лингвистики является одновременное сосуществование и независимое развитие целого ряда противоречащих друг другу теорий языка. Сопоставительный анализ теорий Ф. де Соссюра, Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука, А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа обнаруживает их противоречивость друг другу в самых разных аспектах [Кошелев 2013а]. Так, первые четыре концепции — Соссюра, Хомского, Джекендоффа и Мельчука — по-разному решают вопрос о роли языка в человеческом мышлении, или, иначе говоря, о том, является ли язык инструментом мышления или же средством коммуникации.

Согласно Соссюру, вне языка нет мышления, иначе говоря, язык — это инструмент, целиком определяющий мышление человека. Хомский полагает, что язык вносит существенный, но частичный вклад в мышление: порождаемые им синтаксические «выражения» задают общую структуру мысли. Однако конкретное содержание эта структура получает от внеположных языку механизмов мышления, которые наполняют ее реальными смыслами. Таким образом, по Хомскому, язык также является инструментом мышления, но разделяет эту функцию с сугубо мыслительными механизмами.

Наконец, согласно теории Джекендоффа, мысль («алгебраическая структура концептов») формируется мыслительными механизмами независимо от языка. А роль последнего сводится лишь к воплощению этой уже готовой мысли в коммуникативную форму. Тем самым языку отводится лишь сугубо коммуникативная функция. Итак, налицо явная противоречивость этих трех концепций, поскольку они дают три альтернативных ответа на один из важнейших вопросов общей теории языка: по Соссюру, язык целиком определяет мышление — по Хомскому частично, а по Джекендоффу, вообще в нем не участвует. Но что

характерно: все три теории уже долгое время благополучно сосуществуют друг с другом, подробнее об этом [Кошелев 2013а: 6—9].

Обратимся к другому важнейшему вопросу: о нейробиологической природе языка. Согласно утверждению Н. Хомского язык — вычислительная система, порождающая синтаксические выражения — представляет собой генетически обусловленный автономный модуль, или «когнитивный орган», связанный с другими когнитивными системами мозга только посредством специальных интерфейсов. Эту точку зрения разделяют многие генеративисты: Р. Джекендофф, С. Пинкер («языковой инстинкт») и др. Противоположную позицию занимают представители функциональных и когнитивных теорий языка (Т. Гивон, Дж. Лакофф, Ч. Филмор и др.), считающие что «язык использует общий когнитивный аппарат...», реализующий, наряду с ним, и другие когнитивные функции. И опять же все эти теории безущербно сосуществуют друг с другом [Там же: 9—12].

Аналогичная картина наблюдается и в отношении основных компонентов языка — лексики, грамматики и связывающего их «лексико-синтаксического интерфейса». Каждый из этих компонентов имеет несколько альтернативных описаний.

Если посмотреть на складывающуюся картину с «высоты птичьего полета», то становится понятным, что на протяжении уже долгого времени процесса углубления общепризнанных знаний о языке как целостном объекте не происходит: каждая вновь создаваемая теория языка дает новую трактовку языка, альтернативную уже существующим. При этом открывается множество различных знаний об отдельных аспектах и компонентах языка, но наши целостные знания о языке становятся все более и более спорными.

Естественно, возникает вопрос: можно ли надеяться на формирование в будущем единой языковой парадигмы, разделяемой большинством лингвистов или же это невозможно? Иначе говоря, отвечает ли возникшая ситуация сущностной природе языка или же она — продукт текущего этапа развития наших знаний о языке. Ответ на этот вопрос мы бы получили, если бы смогли ответить на другой вопрос: является ли лингвистика естественнонаучной дисциплиной? Если да, то формирование единой теории языка рано или поздно произойдет. Если нет, то ожидать такой единой теории не приходится. Однако однозначного ответа на данный вопрос по-видимому не существует (см. [Там же: 15—18]). Не имея возможности рассмотреть здесь более подробную аргументацию, процитирую лишь иллюстрирующую этот вывод мысль А. Е. Кибрика:

Если говорить о Языке с большой буквы как о языке вообще, то он является естественным материальным объектом, соединяющим материальную акустическую форму с материальными когнитивными процессами и единицами, представленными в человеческом мозге. Соответствие между этими сущностями устанавливается по определенным универсальным схемам. Эта область исследований входит в сферу естественно-научного знания, если опираться на нашу оппозицию.

В то же время язык является основным средством выражения и формирования человеческого духа, формирования и хранения культуры, моделей идиоэтнического поведения... и эти свойства языка дают право относить соответствующую лингвистику к гуманитарному знанию. Но проблема с лингвистикой осложняется тем, что однозначно разделить эти два аспекта практически невозможно (из отзыва о статье [Перцов 2009]).

Итак, на данном направлении получить ответ о существовании единой парадигмы языка не удастся. Есть, однако, другой путь, позволяющий предсказать хотя бы общие очертания теоретической лингвистики XXI в. Но для того, чтобы разглядеть контуры грядущей лингвистической парадигмы, мы должны оглянуться назад и внимательно рассмотреть в череду сменявших одна другую парадигм прошлого.

2. Поиск глобальных (обобщенных) языковых парадигм

Изучение языка уходит своими корнями в глубокую древность. Только европейская лингвистическая традиция насчитывает уже более двух тысячелетий. На протяжении всего этого времени возникали, сосуществовали и сменяли одна другую различные лингвистические парадигмы. Зададимся вопросом: можно ли выявить какую-то закономерность в чередовании этих парадигм, какие-то повторяющиеся этапы, или витки спирали, чтобы а) понять, какому этапу отвечает современное состояние лингвистики, или шире, лингвистика конца XX — начала XXI в. и б) спрогнозировать типологию или характерные черты следующего этапа — лингвистики XXI в., — этапа, который, в соответствии с предшествующей логикой исторической «ротации» лингвистических парадигм, должен прийти на смену текущему этапу?

Проведенный нами анализ истории лингвистических учений и вереницы определявших эти учения парадигм позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Следует, однако, иметь в виду, что решающую

роль в таком анализе играют вводимые автором принципы классификации локальных лингвистических парадигм — отнесение их к совсем небольшому числу глобальных парадигм, в исторической повторяемости которых и будут проявляться общие закономерности изучения языка, развития знаний о нем. В XX в. уже было предпринято несколько таких попыток. По существу, все их можно свести к противопоставлению двух альтернативных направлений (глобальных парадигм) к описанию языка: абстрактного, общего vs конкретного, частного.

Сошлемся для примера на вышедшую первым изданием в 1929 г. книгу В. М. Волошинова [Волошинов 1993] «Марксизм и философия языка» и введенную в ней глобальную дихотомию двух направлений изучения языка: «индивидуалистический субъективизм» и «абстрактный объективизм» [Алпатов 2005б: 134]. Ср. точку зрения В. М. Алпатова:

Первое направление [«индивидуалистический субъективизм»] в своих истоках возводится к романтизму, его основателем признается В. Гумбольдт, к нему отнесены, в частности, Х. Штейнталь и школа К. Фосслера. Истоки второго направления [«абстрактный объективизм»], более древнего, авторы книги видят еще в античности, далее оно развивалось на французской почве (видимо, имеется в виду прямо не названная грамматика Пор-Рояля) и, наконец, получило законченное выражение у Ф. де Соссюра, Ш. Балли, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др. [Там же: 269].

Сказанное верно и в отношении книги японского лингвиста Мотоки Токиэда «Основы японского языкознания», вышедшей в 1941 г., в которой различаются исследования языка а) с позиции субъекта, носителя языка, осуществляющего речевую деятельность, и б) с позиции наблюдателя, изучающего языковую систему как таковую, см. [Алпатов 2005а: 273—277].

В этом же ракурсе лежат известные дихотомии Ф. де Соссюра «язык (фр. *langue*)» vs «речь (фр. *parole*)» и Н. Хомского «универсальная vs частная грамматика»:

Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного [Соссюр 2004: 38].

Проблема согласования единства и разнообразия постоянно возникала в изучении языка... Лингвистическая теория, которая была разработана в рамках научной революции XVII века [по-видимому, грамматика Пор-Рояля. — А. К.], разграничила универсальную

и частную грамматику, хотя и не совсем в современном понимании этих терминов. Универсальная грамматика была представлена как интеллектуальное ядро научной дисциплины; частные грамматики рассматривались как акцидентные проявления универсальной системы. С расцветом антропологической лингвистики маятник качнулся в другую сторону, навстречу различиям... [Chomsky 2010: 52].

Слегка обобщая, все эти подходы можно свести к противопоставлению двух альтернативных направлений (глобальных парадигм) описания языка: абстрактного, общего («абстрактный объективизм», «языковая система») и конкретного, частного («индивидуалистический субъективизм», «речевая деятельность»).

3. Можно ли «вычислить» грядущую лингвистическую парадигму?

Чтобы унифицировать упомянутые выше дихотомии, условимся различать две глобальные парадигмы: Универсальную и Лингвоспецифичную. В рамках Универсальной парадигмы язык изучается как единая система — субстрат всех человеческих языков. Здесь изучаются общие закономерности, присущие всем человеческим языкам и общие функции языка (как инструмента мышления и средства коммуникации) и т. п. Противоположная, Лингвоспецифичная парадигма, напротив, изучает прежде всего совокупности конкретных свойств того или иного языка, в котором каждый раз воплощается эта универсальная система. Здесь центральное место занимает изучение конкретного устройства и свойств отдельных языков, их фонетики, морфологии, семантики, синтаксиса, диахронии, типологии, этноспецифики (языковой картины мира) и пр.

Бинарная гипотеза. Введенная дихотомия предопределяет следующую эволюционную гипотезу (условимся называть ее **бинарной**). Развитие исследований языка представляет собой череду двух сменяющих друг друга и разрастающихся глобальных парадигм: Универсальной и Лингвоспецифичной. Говоря словами Н. Хомского, такое развитие можно уподобить раскачивающемуся маятнику, два крайних положения которого соответствуют этим парадигмам.

Для проверки бинарной гипотезы обратимся к европейской лингвистической традиции. Построим хронологическую последовательность лингвистических учений, принимая за точку отсчета лингвисти-

ческие исследования Аристотеля, и посмотрим, представляет ли она собой регулярную череду двух глобальных парадигм: Универсальной и Лингвоспецифичной.

Итоговая последовательность парадигм представлена на рис. 1. Следует иметь в виду, что в реальности можно говорить лишь о доминировании в парадигме универсальной или, напротив, лингвоспецифичной компоненты изучения языка. Поэтому в изображении парадигмы на рис. 1 сплошной полуокружностью обозначена ее доминирующая компонента. Она и дает название парадигме.

Рис. 1. Эволюционная последовательность двух глобальных парадигм (бинарная гипотеза)

Прежде чем приступить к анализу получившейся картины, охарактеризуем кратко каждую из шести парадигм, представленных на рис. 1.

1) Учение Аристотеля (IV в. до н. э.) — универсальная парадигма. В качестве главного источника, из которого развивается общеевропейский подход к языку, мы берем парадигму Аристотеля — его систему представлений о языке. В рамках бинарного противопоставления эти представления (в первом приближении) можно охарактеризовать как универсальную парадигму.

Как мы знаем, со времен античности и вплоть до XIX в. язык не выделялся в отдельную научную дисциплину и рассматривался как один из разделов философии. Высказывания Аристотеля о языке разбросаны по разным его работам. Главный его тезис: язык — это инструмент мышления (универсальный компонент, поскольку люди мыслят одинаково), ср.: «Вопреки мнению некоторых, нет различия

между доказательствами, относящимися к слову, и доказательствами, относящимися к мысли» (О софистических опровержениях). Иначе говоря, Аристотель считает, что семантико-синтаксическая структура языковых фраз соответствует а) структуре человеческих мыслей и б) структуре явлений объективной действительности. Вот как характеризует аристотелевскую трактовку языка известный исследователь античных учений о языке И. А. Перельмутер:

Внутренняя семантическая структура у всех языков, по представлениям Аристотеля, одинакова, вместе с тем эта структура не включает в себе ничего или почти ничего специфически языкового, она вполне адекватна структуре реального мира (...). Аристотель исходит из убеждения, что языки различаются между собой лишь звучанием слов, что внутренняя семантическая структура у всех языков одинакова, что в общем и целом эта структура точно соответствует объективной действительности по нашему о ней представлению... Языковые связи непременно, по его представлению, должны отражать связи реальной действительности. Исследуя связи явлений между собой, Аристотель всегда уделяет внимание связям между названиями этих явлений, часто он исходит из характера связи между названиями для раскрытия природы реальной связи между явлениями [Перельмутер 1980: 164].

Наряду с универсальной составляющей, которая нам кажется преобладающей, учение Аристотеля содержит и весомую лингвоспецифичную составляющую. Ее мы обсуждаем ниже, в разделе 3.

2) Грамматики Доната и Присциана (IV—VI вв. н. э.) — лингвоспецифичная парадигма. Следующая, уже лингвоспецифичная парадигма — она не восприняла философский подход Аристотеля к языку и его роли в человеческом мышлении и познании окружающего мира — сформировалась в древнем Риме в первые века н. э. В Риме в это время уже знали древнегреческие грамматики и почти все греческие термины были переведены на латинский язык. Однако традиция сугубо теоретического описания грамматики здесь не проявилась. Наиболее важные достижения в языкознании связаны с конкретными и детальными описаниями латинского языка. В IV в. в Риме появилась двухтомная грамматика Элия Доната, а в начале VI в. в Константинополе появилась многотомная грамматика Присциана Цезарейского.

Следует подчеркнуть, что ни Донат, ни Присциан не внесли каких-либо существенных новшеств в изучение латинского языка. Но они подытожили и систематизировали множество предшествующих исследований в этой области как греческих, так и латинских авторов.

В итоге обе грамматики стали на протяжении последующих десяти веков образцами краткого (Донат) и подробного (Присциан) описания латинского языка. Тем самым они оказали сильнейшее влияние на развитие лингвистических исследований в Европе. Именно это обстоятельство дает основание считать, что эти грамматики определили новую, лингвоспецифическую (по сравнению с учением Аристотеля) парадигму, ср.:

В VI в. грамматика Доната была рекомендована в качестве основного учебника латинского языка для монастырских школ и служила учебным пособием в школах Европы вплоть до XV в. Труд Доната сыграл также очень важную роль в процессе формирования грамматической терминологии современных европейских языков. Присциан создал самую всеобъемлющую латинскую грамматику древности, подведя своего рода итог исканиям и достижениям античного языкознания. Его работа была гораздо более подробной и пространной, чем грамматика Доната... Около восьми веков (вплоть до XIV в.) «Курс грамматики» Присциана был основой лингвистической теории в Западной Европе [Грошева 1985: 210].

3) Грамматика модистов (XIII—XIV вв.) — универсальная парадигма. Лишь в XI—XII вв. в западной Европе начинает формироваться совершенно иной, философский, или спекулятивный подход к описанию языка, восходящий к трудам Аристотеля (в это время они получают здесь широкое признание и высший научный авторитет). Новое направление изучения и описания языка получило название «Грамматика модистов» — от центрального своего понятия — «модусы (способы) обозначения». Чтобы убедиться, что оно в полной мере представляет универсальную парадигму, приведем несколько цитат из основополагающего труда И. А. Перельмутера:

...модисты считают достойным своего внимания только наиболее существенные особенности грамматического строя, которые представляются им общими для всех языков. Во всех своих существенных чертах грамматика одинакова у всех народов, поскольку у всех людей одно и то же мышление, одна и та же логика (...) Убежденные в том, что различия между языками заключаются лишь в звуковом обликии, а содержательная, смысловая сторона языкового строя повсюду одинакова, модисты считают себя вправе ограничиваться изучением только одного, латинского языка — языка церкви и науки западноевропейского Средневековья. (...)

Отдельные слова, по воззрению модистов, представляют собой *signa arbitraria* «словные знаки», звуковая оболочка языка конвен-

циональна, другое дело — внутренняя структура языка, его грамматический строй, связь которого с нашим сознанием и объективной реальностью следует признать естественной, поскольку грамматический строй отражает структуру нашего сознания и структуру объективной реальности. Не проявляют модисты интереса и к проблемам лексического значения слова; соответствующую проблематику они рассматривают как относящуюся к психологии. Подлинным предметом своей науки модисты считают только формальные, грамматические значения (в противоположность материальным значениям, значениям отдельных слов). {...}

Главным источником естественнонаучных сведений и философских представлений [модистов] были, разумеется, труды Аристотеля, прежде всего его «Физика» и «Метафизика». В некоторых сочинениях модистов ссылки на Аристотеля встречаются чаще, чем ссылки на грамматические трактаты предшественников [Перельмутер 1991: 7—19].

Европейская лингвистика XIV—XVII вв. Отсутствие доминирующей парадигмы. В этот период в Европе не возникло какого-либо доминирующего подхода к описанию языка. С середины XIV в. теоретические построения модистов начинают подвергаться резкой критике со стороны различных философских школ и прежде всего номиналистов. Призывая «не умножать сущности без надобности» (Оккам), номиналисты доказывали, что «модусы наименования» не относятся к числу исходных понятий и без них вполне можно обойтись. Во всяком случае, отмечали они, ни Донат, ни Присциан их не использовали. Постепенно набирает силу гуманистическое направление, ср.:

Величайший пиетет к литературным памятникам античности, стремление к активному овладению классическим латинским языком — языком корифеев римской литературы — все это выдвинуло на передний план новые задачи в сфере исследования языка, отнюдь не сходные с теми задачами, которые ставили перед собой модисты. Не выявление причин тех или иных языковых явлений, а установление правил безупречного в грамматическом и стилистическом отношении латинского языка — такова цель грамматиков гуманистического направления [Там же: 61—62].

Вместе с тем нельзя утверждать, что идеи модистов полностью утрачивают свое влияние, ср.:

В XVI в. после некоторого перерыва вновь начинает развиваться теория языка. Выдающийся французский ученый (Рамус)

(1515—1672, убит в Варфоломеевскую ночь) завершил создание понятийного аппарата и терминологии синтаксиса, начатое модистами; именно ему принадлежит дожившая до наших дней система членов предложения. Теоретическую грамматику, написанную еще на латыни, но уже учитывающую материал различных языков, создал Ф. Санчес (Санкциус) (1550—1610) в Испании в конце XVI в. У него уже содержатся многие идеи, потом отразившиеся в грамматике Пор-Рояля. В XVII в. еще более активно ведутся поиски универсальных свойств языка [Алпатов 2005а: 44].

4) Грамматика Пор-Рояля (XVII—XVIII вв.) — универсальная парадигма. Положение дел довольно быстро меняется во второй половине XVII в. с выходом «Общей и рациональной грамматики», изданной в 1660 г. Антуаном Арно и Клодом Лансело — двумя аббатами монастыря Пор-Рояль (его парижского отделения). Она совместила в себе и лингвоспецифичный и философский подходы к языку. Но последний, на наш взгляд, был превалирующим, поэтому в первом приближении можно считать, что грамматика Пор-Рояля развила универсальную парадигму грамматики модистов, ср.:

Некоторые положения схоластической грамматики стали известны авторам Грамматики Пор-Рояля и были ими восприняты. Во всяком случае многие принципиальные положения грамматики Арно и Лансело представляются созвучными тем идеям, которые нашли выражение в сочинениях модистов. Авторы Грамматики Пор-Рояля считают своей задачей не только описывать грамматические явления, но и давать объяснения этим явлениям, устанавливая их причины; с этой целью они пытаются уяснить те процессы в человеческом сознании, которые приводят к возникновению тех или иных явлений языка. ... Главный интерес Арно и Лансело сосредоточен на выявлении и описании того общего, универсального компонента, который лежит в основании грамматик всех языков (*grammatical universalis*), в этом же заключен и основной интерес модистов [Перельмутер 1991: 63].

Как и в подходе Аристотеля, в грамматике Пор-Рояля немалое место занимает анализ конкретных языковых реалий, причем в данном случае это сравнительный анализ целого ряда различных языков. Об этой, лингвоспецифичной составляющей данной грамматики см. ниже, в разделе 3.

5) Компаративистика (сравнительно-исторический метод, XIX в.) — лингвоспецифичная парадигма. В первые десятилетия XIX в. доминирующее положение в лингвистике довольно быстро

занимает лингвоспецифичная парадигма. В это время закладываются основы сравнительно-исторического метода, на целое столетие определившего ведущую роль этой парадигмы в изучении различных человеческих языков путем их сопоставительного анализа и выявления исторических закономерностей развития. Создатели сравнительно-исторического языкознания не стремились

к общетеоретическим и тем более философским рассуждениям, которыми так были богаты XVII и XVIII вв. У них редко можно найти какие-либо высказывания о природе и сущности языка. Они впервые в мировой науке, работая с конкретным материалом, старались выработать действительно научный метод его исследования [Алпатов 2005а: 55].

б) Соссюр, Хомский (XX в.) — универсальная парадигма. Наконец, в XX веке в лингвистике доминирующее положение завоевывает универсальная парадигма, развиваемая сначала в трудах Ф. де Соссюра, структуралистов, а затем — Н. Хомского.

Выводы. Согласно схеме, изображенной на рис. 1, чередование универсальной и лингвоспецифичной парадигм не является регулярным. Начинается все с универсальной парадигмы Аристотеля. Затем следует большой временной период, заполненный лингвоспецифичной парадигмой (грамматики латинского языка Доната и Присциана, многие столетия служившие образцами описания конкретных языков). Затем, примерно с XIII в., доминирующей в Европе становится универсальная парадигма. Это грамматика модистов. Почему корректно осуществлять такой скачок от Аристотеля к модистам? Потому что их грамматика непосредственно восприняла и развила идеи аристотелевского описания языка. Но следующая парадигма — грамматика Пор-Рояля (XVII—XVIII вв.) — тоже универсальная. Выше мы видели, что эти универсальные парадигмы разделяют лингвоспецифичные исследования гуманистического направления. Однако они не породили собственной парадигмы. Кроме того, как мы видели выше, в это же время издавались и работы универсального направления. Затем чередование продолжается: опять появляется лингвоспецифичная парадигма — сравнительно-исторический метод (XIX в.), которую в XX в. сменяет универсальная парадигма (Соссюр, Хомский).

Итак, черед парадигм, представленная на рис. 1, не является регулярной, а значит, бинарная гипотеза не подтверждается и потому не может служить основанием для предсказания, какой будет парадигма XXI в., идущая на смену универсальной парадигме XX в.

3. ТЕРНАРНАЯ ГИПОТЕЗА

Посмотрим теперь, какой ответ на этот вопрос дает подход с позиций Общей теории, или ортогенетического принципа (orthogenetic principle) развития [Werner 2004; Чуприкова 1997; Кошелев 2011]. Согласно этой теории, процесс обретения человеком новых знаний о каком-то предмете представляет собой **развитие уже имеющихся знаний** о нем. Элементарный цикл такого развития содержит два этапа: некоторое первичное целостное знание о предмете 1) дифференцируется на самостоятельные части, которые независимо «растут», а затем 2) объединяются с систему знаний. В этом плане две введенные выше глобальные парадигмы — Универсальную и Лингвоспецифичную — мы будем считать двумя разделившимися частями целостного знания о языке, или его Синтетической парадигмы. Таким образом, теперь у нас будут чередоваться три глобальные парадигмы. Объединение дифференцировавшихся парадигм также становится синтетической парадигмой, но более структурированной, системной. В соответствии со сказанным, элементарный цикл развития лингвистических парадигм мы будем изображать следующей цепочкой:

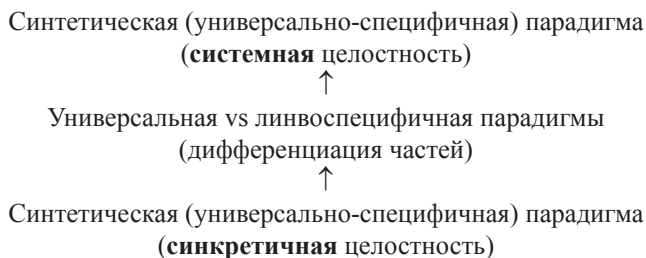

Рис. 2. Схема элементарного цикла развития (эволюции) парадигм

Таким образом, вместо **бинарной гипотезы** мы будем рассматривать **тернарную гипотезу** развития знаний о языке. Согласно ей это развитие, коротко говоря, проходит двухэтапными циклами следующего вида: Синтетическая парадигма разделяется на Лингвоспецифичную и Универсальную парадигмы, которые затем объединяются в новую, более структурированную Синтетическую парадигму.

Но откуда появляются синтетические парадигмы? Дело в том, что две парадигмы: учение Аристотеля и грамматика Пор-Рояля (XVII—XVIII вв.), которые мы идентифицировали как универсальные, содержат в себе существенные лингвоспецифичные компоненты. Это и дает

нам полное основание считать эти парадигмы синтетическими. Не имея в рамках бинарной гипотезы этой третьей альтернативы, мы вынуждены были считать их просто универсальными парадигмами.

Чтобы подтвердить справедливость такой трактовки, вернемся к анализу этих двух парадигм.

Учение Аристотеля естественно считать **исходным целостным знанием** о языке. Наряду с универсальной составляющей (мы ее рассмотрели выше), это учение содержит весьма существенную лингвоспецифичную составляющую — совокупность разнообразных конкретных знаний о языке. Для того, чтобы правильно мыслить, необходимо хорошо знать язык и уметь им пользоваться. В связи с этим, немало места в языковых исследованиях Аристотеля занимает описание греческого языка, его грамматики (этот термин ему уже известен), частей речи, падежей и пр.

Особое внимание Аристотель уделял языковой и прежде всего лексической многозначности. Языковые выражения нередко оказываются двусмысленными и противоречивыми и потому далеко не всегда служат надежным инструментом для адекватного и ясного выражения мыслей. Одна из основных причин этого кроется в многозначности языковых единиц и, прежде всего, слов, ср.:

Аристотель понимает, что мысль и ее словесное выражение — это разные явления, не полностью совпадающие между собой, но главный (а возможно, и единственный) источник расхождения между тем и другим он усматривает в многозначности элементов речи [Перельмутер 1980: 164] {...}

Язык вполне способен передать мысль во всей ее полноте, тем не менее язык таит в себе определенные опасности; некоторыми особенностями языка могут воспользоваться в своих целях недобросовестные и бесчестные люди, ненавистные Аристотелю офисты, которые стремятся не к тому, чтобы обнаружить истину, а только к тому, чтобы победить противника в словесном споре [Там же: 159—160].

Все эти конкретные знания о греческом языке и образуют лингвоспецифичную составляющую представления Аристотеля о языке. Но эти две составляющие не разделены, представляют синкретическое единство, поэтому аристотелю парадигму мы считаем целостным, синтетичным знанием о языке.

Грамматика Пор-Рояля также несет в себе немалую лингвоспецифичную составляющую. В ней предметом анализа становится

не один язык (греческий — у Аристотеля и латинский — у модистов), а целый ряд языков, ср.:

От модистов авторы «Грамматики Пор-Рояля» отличались не столько самой идеей основы языков, сколько пониманием того, что собой эта основа представляет. У модистов, выражаясь современным языком, соответствие между поверхностными и глубинными структурами оказывалось взаимно однозначным или по крайней мере очень близким к нему. Они старались каждому явлению, зафиксированному в грамматике Присциана, приписать философский смысл. В данной грамматике этого уже нет прежде всего из-за расширения эмпирической базы. Если модисты исходили из одной латыни, то здесь почти в каждой главе рассматриваются два языка: латынь и французский, достаточно часто упоминаются также испанский, итальянский, древнегреческий и древнееврейский, а изредка речь идет и о «северных», то есть германских, и о «восточных» языках; ... по сравнению с предшествующим временем это был крупный шаг вперед [Алпатов 2005а: 45].

Итак, в новой последовательности парадигм две прежде универсальные парадигмы (учение Аристотеля и грамматика Пор-Рояля) превратились в синтетические (мы их изображаем двумя полукругами, символизирующими наличие двух соизмеримых составляющих: универсальной и лингвоспецифичной). Они и дают начало двум элементарным циклам развития, см. рис. 3.

Как мы видим, картина существенно изменилась. Налицо два элементарных цикла развития (определение элементарного цикла см. в начале раздела 3, рис. 2).

Первый цикл (1-я — 4-я парадигмы). 1-й этап: исходная синтетическая парадигма (Аристотель) дифференцируется на две самостоятельно развивающиеся части. Сначала появляется лингвоспецифичная парадигма (грамматики Доната и Присциана, IV—VI вв.), а затем — универсальная парадигма (грамматика модистов, XII—XIV вв.). 2-й этап: обе эти парадигмы интегрируются в синтетическую парадигму (грамматика Пор-Рояля, XIV—XVII вв.).

Второй, неполный цикл (4-я — 7-я парадигмы). 1-й этап: синтетическая парадигма (грамматика Пор-Рояля) дифференцируется на две самостоятельно развивающиеся части. Сначала появляется лингвоспецифичная парадигма (компаративизм, XIX в.), а затем — универсальная парадигма (Соссюр, Хомский, XX в.). Теперь, опираясь на выявившиеся закономерности развития 1-го цикла и 1-го этапа второго цикла мы имеем все основания предположить, что **на 2-м этапе 2-го цикла обе**

дифференцировавшиеся парадигмы интегрируются в системную синтетическую парадигму XXI в. На рис. 3 она изображена в правом нижнем углу. Стрелки, соединяющие две ее составляющие — универсальную и лингвоспецифичную — указывают на системность их объединения.

*СИНТЕТИЧЕСКАЯ, ЛИНГВО-СПЕЦИФИЧНАЯ И УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМЫ
(ТЕРНАРНАЯ ГИПОТЕЗА)*

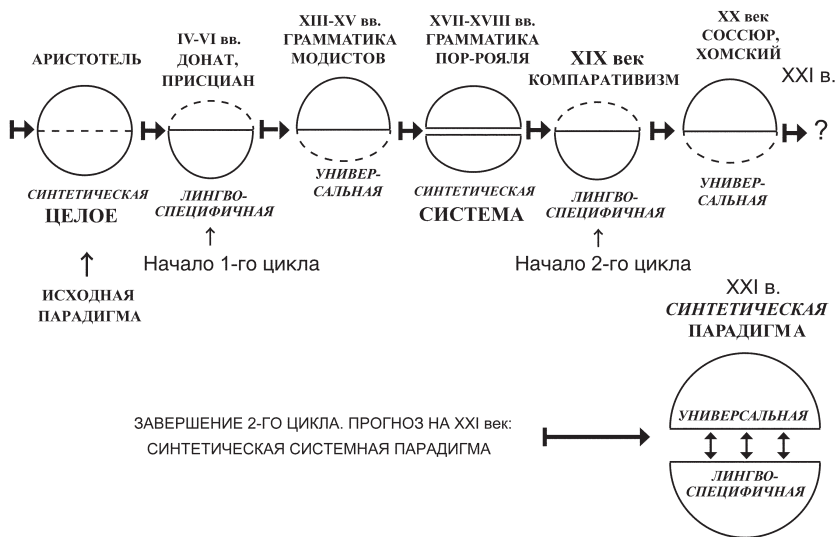

Рис. 3. Два эволюционных цикла развития языковых парадигм (тернарная гипотеза)

В этом плане если и можно принять позицию Н. Хомского, считающего, что «в последние годы... в лингвистике маятник движется в сторону единообразия» [Chomsky 2010: 53], то лишь в предположении, что в ближайшие годы эта тенденция переменится и перед лингвистикой встанет проблема системного объединения многократно возросших на протяжении XX в. как «универсальных», так и «лингвоспецифичных» знаний. Понятно, что при таком объединении и сами эти знания претерпят существенные изменения, подробнее об этом см. [Кошелев 2013а].

Отметим попутно одну характерную черту разворачивания элементарного цикла развития парадигм. Дифференциация синтетической парадигмы (аристотелевской и грамматики Пор-Рояля) начинается с отделения лингвоспецифичной составляющей. Ее формирование

в самостоятельную парадигму дает необходимый материал для формирования новой, более развитой универсальной составляющей. Хорошей иллюстрацией этого может служить следующая мысль В. М. Алпатова:

В «Курсе» [Курс общей лингвистики Ф. де Соссюра] прямо говорится: «Лингвистика уделяла слишком большое место истории, теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики (грамматики типа Пор-Рояля. — В. А.), но уже понятой в новом духе, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который, таким образом, косвенно помогает лучше осознать состояния языка». Итак, речь идет не просто об уравнении двух лингвистик, а о новом витке спирали, о переходе на новом уровне к преимущественно синхронной лингвистике [Алпатов 2005а: 137—138].

Заметим в заключение, что изложенная точка зрения (тернарная гипотеза, акцентирующая синтетическую парадигму) восходит к гумбольдтовской концепции языка, ср.:

Язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее [Гумбольдт 1984: 70]. (<...>)

В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком [Там же: 74].

Опираясь на эту концепцию, можно заключить, что только синтетическая парадигма способна избежать односторонности в изучении и описании языка. Поэтому разумно предположить, что главными вехами в изучении языка являются синтетические парадигмы. Именно они дают последовательное приближение к его адекватному представлению.

4. КОНТУРЫ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ XXI в.

Естественно задаться вопросом: что можно сказать о грядущей синтетической теории и пути ее достижения? Учитывая обрисованный в начале статьи кризис современной теоретической лингвистики, проявляющийся в одновременном сосуществовании множества противоречащих друг другу теорий языка, единственный выход, на наш взгляд, состоит в том, чтобы начать построение теории языка заново. Но не еще одной, альтернативной к уже имеющимся, а всеобъемлющей,

нацеленной на **всестороннее** описание языка, учитывающее, насколько это возможно, всю **многоаспектность** его свойств и способной благодаря этому обеспечить долгожданный консенсус в сообществе лингвистов-теоретиков «с позиции доказательной силы».

Вслед за целым рядом лингвистов мы считаем, что рано или поздно в лингвистике такая теория будет создана (если не единая и общепризнанная, то, по крайней мере, **доминирующая**, подобная, скажем, теории Дарвина в эволюционной биологии).

Но для этого необходимо, чтобы построение новой теории шло в соответствии с целым рядом условий и требований, во-первых, сугубо языковых, **внутрисистемных**, связанных с функционированием языка и его диахроническим изменением, во-вторых, междисциплинарных, **межсистемных**, выдвигаемых другими подсистемами, тесно взаимодействующими с языковой подсистемой и, в-третьих, **социальных**, отражающих влияние на усвоение и функционирование языка (прежде всего инпута — родного языка, который ребенок слышит от окружающих), а кроме него и всего жизненного уклада социума.

Кроме того, синтетическая теория языка должна строиться с учетом проблем и результатов отдельных разделов языкознания, в частности, онтолингвистики, глоттогенеза и глоттохронологии, т. е. а) способствовать объяснению основных механизмов и этапов усвоения родного языка ребенком, б) служить опорой для реконструкции протоязыка или нескольких протоязыков, задающих последовательные этапы языковой эволюции и в) учитывать результаты теории генетического родства языков.

В последние десятилетия XX в. интерес лингвистов к некоторым из указанных сторон языка возрождается, однако решительных попыток комплексного учета перечисленных выше требований, насколько нам известно, не предпринималось (к примеру, теории Н. Хомского и Р. Джекендоффа уделяют большое внимание онтолингвистике и глоттогенезу, но они являются сугубо синхроническими).

Подчеркнем: синтетическая теория языка не может быть сугубо лингвистической. В нее, наряду с лингвистической, должны входить системно связанные с ней когнитивная (представление знаний) и мыслительная (формирование мыслей) составляющие.

Попытка построить начальный (ядерный) компонент диахроническо-синтетической теории языка, описывающий период речемыслительного развития ребенка от 6-месячного до 4-летнего возраста представлена в [Кошелев 2013б: 717—767]. Далее этот компонент можно «растить» вверх и вширь, достраивая новыми составляющими и возрастными этапами развития ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 2005a — *Алпатов В. М.* История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005.
- Алпатов 2005б — *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Волошинов 1993 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Грошева 1985 — *Грошева А. В.* Грамматические учения западноевропейского средневековья // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л., 1985. С. 208—242.
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Кошелев 2011 — *Кошелев А. Д.* В поисках универсальной схемы развития // Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М., 2011. С. 217—234. URL: www.akoshelev.net.
- Кошелев 2013а — *Кошелев А. Д.* Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня // Известия РАН. Серия языка и литературы. Т. 72. № 6. 2013. С. 3—22 (<http://akoshelev.net>).
- Кошелев 2013б — *Кошелев А. Д.* Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *Фитч У. Т.* Эволюция языка. М., 2013. С. 680—767. URL: <http://akoshelev.net>.
- Соссюр 2004 — *Ф. де Соссюр.* Курс общей лингвистики / Пер. с франц. А. М. Сухотина, под ред. и с прим. Р. И. Шпор. М., 2004.
- Перельмутер 1980 — *Перельмутер И. А.* Аристотель // История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л., 1980. С. 156—179.
- Перельмутер 1991 — *Перельмутер И. А.* Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб., 1991. С. 7—66.
- Перцов 2009 — *Перцов Н. В.* О точности в филологии // Вопросы языкознания. № 1. 2009. С. 100—124.
- Чуприкова 1997 — *Чуприкова Н. И.* Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб., 1997.
- Chomsky 2010 — *Chomsky N.* Some simple evo-devo theses: how true might they be for language? // The evolution of human language: biolinguistic perspectives / R. K. Larson, V. M. Déprez, H. Yamakido (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 45—62.
- Werner 2004 — *Werner H.* Comparative Psychology of Mental Development (with a new prologue by Margery B. Franklin). New York: Percheron Press; Clinton Corners, 2004.